

НИКОЛАС

БЛЕЙК

Николас Блейк
(наст. имя Сесил Дей-Льюис,
1904–1972) – знаменитый британ-
ский поэт и критик, признанный
мастер криминального романа.
Ценители «большой» литературы
называют его гением, а миллионы
читателей наслаждаются детекти-
вами, которые он писал для развле-
чения. Любимый герой Блейка –
вечно скучающий поэт Найджел
Стрейнджуэйс – истинный
джентльмен, талантливый
детектив-любитель и прекрасный
знаток психологии.

NICHOLAS
BLAKE

.....
MINUTE FOR MURDER

НИКОЛАС

БЛЕЙК

МИНУТА
НА УБИЙСТВО

АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Б68

Серия «Золотой век английского детектива»

Nicholas Blake
MINUTE FOR MURDER

Перевод с английского *В. Л. Артемова*

Компьютерный дизайн *К. С. Парсадоняна*

Печатается с разрешения The Estate of Nicholas Blake
и литературных агентств The Peters Fraser and Dunlop
Group Ltd и The Van Lear Agency

Блейк, Николас.

Б68   Минута на убийство : [роман] / Николас Блейк ;
[пер. с англ. В. Л. Артемова]. — Москва : АСТ,
2015. — 320 с. — (Золотой век английского детек-
тива).

ISBN 978-5-17-089380-5

Отравлена бывшая невеста капитана британской ар-
мии — героя войны.

Все улики указывают на самого капитана, так и не при-
мирившегося с изменами возлюбленной.

Однако старый друг подозреваемого Найджел Стрейнд-
жуэйс начинает собственное расследование и приходит к
совершенно неожиданным выводам...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-089380-5

© Nicholas Blake, 1947
© Перевод. В.Л. Артемов, 2011
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Для того чтобы успокоить публику, спешу сообщить, что правительственного учреждения, в котором происходит действие этой книги, никогда не существовало и существовать не могло. Заверяю бывших своих коллег, которым посвящаю эту книгу, что все неприятные, бестолковые, некомпетентные или преступные персонажи, фигурирующие в ней, — плод моего воображения, в то время как все обаятельные, умные и благородные взяты из самой жизни.

Н.Б.

Письмо, пахнущее духами

Уборщица поднялась с колен, собрала ведро, щетку и тряпки и заковыляла к двери. Здесь она, как всегда, остановилась, довольно улыбнулась и сказала:

— Та-та-та, мистер Стрейнджжэйс, всего хорошего. — И направилась, гроыхая ведром, в кабинет заместителя директора.

Миссис Смит пребывала на седьмом небе с тех пор, как два года назад популярный актер, выступая по радио, пропел настоящий панегирик некой абстрактной миссис Смит, уборщице с распухшими от подагры коленями и львиным сердцем, которая под свист бомб убирает государственное учреждение, олицетворяя собой всех неукротимых уборщиц Великобритании, что выполняют свой долг с болью за общее дело в груди и крепким кокни* на устах. Миссис Смит восприняла эту дань восхищения на свой счет и с той поры держалась с правительственными чиновниками высокого ранга на равных, а с теми, кто помельче, даже несколько высокомерно.

---

* Кокни — лондонский диалект английского языка. —
Примеч. пер.

Найджел Стрейнджуэйс, как повелось, сдул пыль со своего стола и вытряхнул в окно вчерашние окурки. Было девять утра. Он любил приходить на работу пораньше, пока тебя не отвлекают ни телефонные звонки, ни коллеги со своими разговорами. До десяти часов министерство военной пропаганды будет погружено в тишину, нарушаемую только громоханием ведра миссис Смит да торопливыми шагами какого-нибудь чиновника, не успевшего поддаться расслабляющему воздействию атмосферы, воцарившейся повсюду после Дня Победы. Найджел вынул лист с сочиненными Брайаном Инглом подписями к фотографиям.

«Стремительные и неотразимые, как пучок стрел, брошенных рукой Немезиды, — читал он, — «спитфайеры» бомбардируют скопления немецких железнодорожных составов в районе Гельзенкирхена».

Он заменил «бомбардируют» на «атакуют». На полях написал: «Стрелы рукой не бросают». Взглянул на фотографию, для которой предназначалась подпись, и дописал: «Это “тайфуны”». «Добрый старина Брайан, — подумал он, — неисправимо неточен, непобедимо романтичен, никогда не полезет в карман за неправильным словом или неуместной метафорой, — но что бы мы делали без него?» Бедный Брайан целых пять лет занимается этим делом и умудряется вкладывать в него все тот же восторженный и абсолютно некритичный энтузиазм, который в предвоенные годы сделал его ведущим литературным критиком «Санди клэрион». Джимми поступил правильно, выбрав его для этой работы. Джимми вообще с умом подбирал свой штат. По-

тому и стал первоклассным директором. С самого начала он твердо заявил: «Нет, мне в управлении не нужны специалисты, мне нужны люди, которые верят в то, что говорят. Мы не будем говорить с народом о войне, держа в кармане дулю». Как же он был прав! Когда Брайан Ингл уверял публику, что эскадрилья «спитфайеров» (они же «тайфуны») — пучок стрел, брошенных рукой Немезиды, люди верили ему, потому что им было ясно: это — справедливая война. Найджел взял листок и стер «Стрелы рукой не бросают».

Открылась дверь. Шаркая ногами, вошел курьер с кипой папок и бумаг в руках. Как всегда, беспомощно оглядев комнату, он нетвердой походкой прошествовал к столу Найджела и вывалил часть своего груза в корзинку для исходящих, после чего мрачно изрек, что утро сегодня необычно хорошее для этого времени года. Как всегда, Найджел переложил стопку из корзинки для исходящих в корзинку для входящих. Да, утро хорошее, согласился он, взглянув в просвет между темными полосками, которыми хозотдел заклеил окно после того, как от взрывной волны потрескались стекла.

— Мы еще и половины не испытали, — трагическим тоном произнес курьер.

— Половины чего?

— Попомните мои слова, сэр. Когда наступит мир... ну, я хочу сказать, настоящий мир, в стране начнется хаус. Самый настоящий ха-ус.

Найджел быстро перевел: «хаос».

— Почему вы так считаете? — спросил он.

— А вы сами подумайте. Миллионы парней научились на войне убивать, да еще как убивать!..

Посмотрите только на морских пехотинцев: рукопашный бой, никаких автоматов, раз-два, и нету человека. И вот такой парень приходит домой, и что он видит?

— Ха-ус, — невольно ответил Найджел. — То есть я хочу сказать...

— Вы уже сказали. Жену его увел какой-то хлыщ, в доме откуда-то взялось еще двое детишек, на его рабочем месте сидит тыловая крыса, — что ему делать? Сами понимаете — стрелять. Насилие порождает насилие, вот что говорит этот паршивый Олдос, как там его, Аксли*. И таких парней — миллионы. А вот после моей войны, — продолжал курьер, тыча пальцем в наградные ленточки медалей 1914—1918 годов на своей темно-синей форме, — было совсем по-другому. Все мы, кто пришел с войны, имели все и могли жить спокойно. И мы были до смерти напуганы. Можете обижаться, сэр, если я говорю страшные вещи, но на этой войне мало их обстреляли, пусть мне пусто станет, если это не так. Теперь посмотрите, какой они придумали план демобилизации...

Поразглагольствовав минут десять на эту животрепещущую тему, курьер хмуро кивнул Найджелу и заковылял к выходу, в дверях обронив большой конверт с грифом «Совершенно секретно. Особо важно», две папки и розовенькое, пахнущее отнюдь не казенным одеколоном письмецо, адресованное Джеймсу Лейку, эсквайру, кавалеру ордена Британской империи. Окликнув незадачливого курьера,

---

* Хаксли, Олдос — известный английский писатель. — *Примеч. пер.*

Найджел водрузил конверт и две папки на кипу в его руках. Письмо же он решил отнести собственноручно — лучшего предлога поболтать с Нашей Блондиночкой не придумать.

Наша Блондиночка, как все в Управлении наглядной пропаганды называли личного секретаря директора Ниту Принс, представляла собой наглядную пропаганду во всей ее красе и мощи. По словам Мерриона Сквайерса, специалиста по художественному оформлению, она сочетала в себе кричащую привлекательность плаката, загадочность поэтического образа, обаяние станкового портрета с бесценной посредственностью подписей Брайана Ингла. В лучших традициях Управления наглядной пропаганды она умело скрывала деловитость под маской напускной рассеянности, дилетантизма и поверхностности. В тот момент, когда Найджел вошел в ее комнату, она, склонившись над столом, беспомощно рылась в горе документов, буквально вылезавших из корзинки для входящих. Ее светлые волосы рассыпались по лицу.

— Хелло, Нита.

Она выпрямилась, демонстрируя свою высокую, прекрасно сложенную фигуру и весь блеск своего утреннего макияжа.

— А, это вы? — сказала она. — Вы только взгляните на эти входящие! Иногда я просто понять не могу, как мы вообще успеваем что-то делать.

— Мы успеваем, ибо британский народ, вынужден меч из ножен, не вложит его обратно, пока плечом к плечу с отважными союзниками не отрубит последнюю голову у гидры тоталитарного агрессора.

— А я думаю, мы не вкладываем его в ножны потому, что меч намного легче вытащить, чем вложить. Разве вы не видели такое в театре? Что там у вас?

Найджел протянул розовый надушенный конверт:

— Еще одно любовное послание боссу. Старик Керби обронил его в моей комнате.

Восхитительное личико Ниты Принс не изменилось ни на йоту; на нем не было и намека на самодовольство, свойственное женщинам, уверенным в силе своих чар и не опасаящимся конкуренток. Она протянула руку, чтобы взять конверт; и тут на ее столе зазвонил телефон.

— Алло. Управление наглядной пропаганды. Да?.. Нет, директор на совещании. Я его секретарь. Чем могу быть полезна?.. Ах, мистер Снейт! Доброе утро...

Нита Принс закатила глаза, всем своим видом показывая, как тот ей надоел, и, отстранив трубку от уха, стала копать в сумочке в поисках сигарет. Найджел поднес ей прикурить. Трубка всю верещала и булькала.

— Послушайте, — сказала Нита, дождавшись первой же крохотной паузы, — сейчас мы работаем с вашим буклетом. Через две недели покажем вам верстку... — Телефон снова разразился серией потусторонних звуков. — Да-да, естественно, мы очень хорошо понимаем срочность вашей работы. Мы очень сожалеем, что вам приходится ждать, — медоточивым голосом продолжала Нита, — но у нас возникли проблемы с материалом по эмбарго — мы до сих пор не получили его от цензора... Что?.. Нет,

военно-морского цензора. *Вашего* цензора, мистер Снейт... — Нита показала невидимому мистеру Снейту, который на мгновение умолк, язык. Атмосферные разряды в трубке возобновились. — Ну, это совсем другое дело. Вам нужно переговорить с начальником редакционного отдела.

Найджел подался к двери.

— Некомпетентный дилетант? Ах что вы, мистер Снейт! Может быть, вы переговорите с ним сейчас, он как раз тут, в комнате... Нет?.. Ну хорошо, только, боюсь, у директора сегодня не будет времени. Сейчас посмотрим. — Не заглядывая в расписание, Нита отбарабанила список встреч и совещаний, на которых должен был присутствовать директор. — А завтра... о, вы не сможете завтра? Ну что же, в таком случае вам ничего не останется, кроме как положиться на нас. Мы выдержим названные сроки... Да, получается чудесно. Оптовики уже заказали более семисот тысяч экземпляров, материал переводится на шесть... нет, на восемь иностранных языков, насколько я знаю... Да, буду держать вас в курсе. Всего хорошего, мистер Снейт.

— Не человек, а счетная машина, — сказал Найджел. Затем, почувствовав, что слегка перебрал, продолжил: — Не могу понять, как вы помните все эти цифры.

— О, я ничего не забываю. Такая уродилась.

— Чего это он кипятится?

— А, по поводу нового заказа из тихоокеанской серии. Глупый старый индюк. Этих чиновников по связям с общественностью нужно просто убивать. А Снейта — в первую очередь. Когда он говорит по

телефону, у меня в ухе свербит. А если уж собственной персоной заявится, то совсем пропало дело...

— Будь я морячком на Тихом океане, — мечтательно протянул Найджел, — я бы хотел получать не буклеты с изображениями бамбуковых хижин и затасканными байками про историю Меланезии да про то, что туземцев обижать нельзя, а большие цветные фотографии шикарных девочек, чтобы можно было их повесить над койкой. И девочки должны быть все похожи на вас...

— Тогда вам стоит поговорить с Джимми и предложить ему изменить издательскую политику, — ответила, улыбнувшись уголками рта, Нита. — Вы уйдете наконец? Вам что, делать нечего? Но раньше давайте письмо.

Найджел кинул письмо ей на стол. В дверях он обернулся. Нита сидела, уставившись на письмо, лежавшее там, куда он его бросил, и в ее взгляде застыл ужас, словно она увидела на своем столе ядовитого тропического паука. Видно было, что она боится притронуться к нему. Она сидела, судорожно сцепив пальцы на коленях.

— Оно не кусается, — проговорил с порога Найджел. Нита Принс вздрогнула.

— А ну вас к черту, Найджел! Идите или туда, или сюда! Терпеть не могу, когда стоят в дверях... Извините, я сегодня какая-то нервная. Этот неносный Снейт...

«Э-э-э, нет, — подумал Найджел, — со Снейтом ты имеешь дело почти шесть лет, и до сих пор все было хорошо. Дело в письме. А поскольку ты его не распечатала, то дело, видимо, в почерке, которым написан адрес. Почерк принадлежит кому-то, кто

не должен писать Джимми. Или кому-то из твоей прошлой жизни?.. Впрочем, ладно. Меня это не касается».

Однако неистребимое любопытство, которое заставляло Найджела постоянно совать нос в жизнь других людей, не позволяло ему оставить это дело просто так. Никогда еще не доводилось ему видеть восхитительную, неотразимую мисс Принс такой обескураженной, совершенно выбитой из колеи. Даже летом прошлого года, когда рядом с их министерством с регулярностью пригородных электричек падали вражеские бомбы и от их взрывов вздрагивало и качалось все здание, Нита не покидала своего стола. Она вела протоколы, успокаивала взбудораженных сотрудников, непрерывно звонивших по телефону, и ее неизменно окружал некий нимб неуязвимости. «Любая уважающая себя бомба дважды подумает, прежде чем назначить Нашей Блондиночке свидание», — заметил как-то Меррион Сквайерс. Но Сквайерс, как он сам не преминул признаться, принципиально не доверял блондинкам.

Водворившись снова за свой стол и механически просматривая рукопись под названием «Военная история наших четвероногих друзей», присланную каким-то восторженным любителем животных с просьбой опубликовать ее за казенный счет в виде книги с иллюстрациями («У меня есть великолепные снимки моей собачки Мопкинс, которая во время воздушных налетов, едва начинали выть сирены, всегда лаяла, предупреждая меня»), Найджел думал о том, как же мало он знает своих коллег. С 1940 года до самого последнего времени